

увод в общото езикознание, сравнително езикознание, увод в педагогиката и психопедагогиката, методика на чуждоезиковото обучение и др.

УДК 347.78.034; 81'322.4

ЦИФРОВАЯ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Л.Б. Карпенко

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П.Королева
г. Самара, Российская Федерация*

Рассматривается проблема качества цифрового перевода со славянских языков на русский. Показаны ошибки на уровнях семантики, синтактики и прагматики, влияющие на качество перевода.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, цифровой перевод, денотативная ситуация, семантика, синтактика, прагматика.

Интенсивное распространение в настоящее время межъязыковой электронной коммуникации способствует развитию цифрового перевода, исследованию качества цифрового перевода и поиску методов его совершенствования [7, с. 297]. На начальном этапе компьютеризации лингвистический анализ понимания и перевода текста ограничивался обсуждением семантики английского предложения [7], [8]. Имеющийся сегодня опыт оценки цифрового перевода преимущественно связан с анализом качества технических текстов на основе их автоматической обработки. М. Нагао исследовал цифровой перевод на материале японского языка, используя программу, ранжирующую качество перевода сложных слов и словосочетаний [9, с. 615]. Российскими исследователями отмечена зависимость качества цифрового перевода от увеличения лексического корпуса [2, с. 95]. Перспективу совершенствования перевода связывают с созданием глобальных баз данных, ранее переведенных вручную (концепция «Example based translation» М. Нагао, перекликающаяся с популярной концепцией «Translation Memory» или «Sentence Memory») [3, с. 68-69]. Общий вывод о качестве цифрового перевода на сегодняшний день передает, скорее, разочарование в возможностях электронных инструментов адекватно передавать содержание конкретной ситуации. На наш взгляд, цифровой перевод имеет

большую перспективу, но его совершенствование невозможно без предварительного детального сопоставительного описания специфики грамматической и лексической семантики языков. В связи с тем, что цифровые программы создаются в основном на английском языке, в литературе затрагивалась его роль как языка, закрепленного в вычислительном лингвистическом мышлении [5, 2242] [6]. Однако сохраняет актуальность исследование качества цифрового перевода на материале конкретных языков. Как было показано ранее, ошибки межславянского цифрового перевода, наблюдающиеся на всех языковых уровнях, в значительной мере обусловлены влиянием английского языка-посредника [1, с. 235–236]. Цель данной статьи – выявить типологию ошибок цифрового перевода, степень зависимости смысловых потерь от типа отношений языковых знаков – семантики, синтактики, прагматики. Анализируются тексты на русском языке, переведенные электронным способом с болгарского, польского чешского и других языков, размещенные на Facebook в период с 2015 по 2021 год (перевод в социальных сетях основывается на программе «Google Translate»), а также переводы художественных текстов с использованием программы межъязыкового перевода DeepL. В исследовании применен поэтапный семантико-сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов, учитывающий характеристики исходного и переводящего языков, а также английского как языка-посредника.

В соответствии с развернутыми Ч. Пирсом и Ч. Моррисом аспектами семиозиса, принято различать три типа отношений в функционировании знака: 1) семантический, учитывающий отношение знака к денотату; 2) синтаксический, устанавливающий связи знаков между собой, способы их сочетания; 3) прагматический, ориентированный на отношение знаков к воспринимающему интерпретатору. При естественном, т.н. «ручном», переводе специалист, работая в пространстве двух языков, перекодирует информацию, учитывая все типы семиотических отношений, и воспроизводит содержание оригинала, исходя из ресурсов лексики и грамматики переводящего языка, а также национальных и культурно-исторических факторов. Для понимания и воспроизведения прагматики переводимого смысла большое значение имеет личный опыт переводчика и знание реальных ситуаций.

Машина не обладает всеми перечисленными возможностями, она не способна анализировать реальность и переводит, используя лишь ту информацию, которая заложена в цифровую программу. Перевод с использованием языка-посредника значительно усложняется за счет промежуточных операций перекодирования информации на язык-посредник и с языка-посредника на переводящий язык. При многократной перекодировке воз-

растает число коммуникативных потерь на всех трех уровнях – семантическом, синтаксическом и прагматическом. В итоге переведенный текст «собирает» ошибки, возникшие на разных этапах перекодирования. Проведенный нами сопоставительный анализ текстов цифрового перевода и оригиналов с учетом системных особенностей языков выявляет определенные лингвосомиотические закономерности и позволяет установить типологию ошибок цифрового перевода.

I. Семантические денотативные искажения при переводе

На уровне семантики наблюдаются ошибки денотативного и сигнификативного характера. На качестве перевода наиболее негативно сказываются искажения денотативной целостности описываемой в оригинале предметной ситуации. Денотативное значение знака применительно к высказыванию – отраженный в тексте фрагмент реального мира. Нарушая гендерные характеристики, субъектно-объектные отношения, обстоятельственные, количественные параметры ситуации, денотативные ошибки разрушают перевод. С лингвистической стороны денотативные ошибки могут иметь разную природу – и лексико-семантическую, и морфологическую, и синтаксическую.

I.1 Семантические денотативные погрешности морфологического характера обусловлены недостаточным вниманием создателей цифровых программ к грамматической специфике языков. В силу обязательного характера грамматики (А.Масперо, F.Воас, Р.Якобсон, В. Плуноян и др.) именно морфологические ошибки имеют регулярное проявление и гораздо более частотны в цифровых переводах, чем лексические.

I.1.1 Ошибки в передаче родовой соотнесенности имен, местоимений и форм прошедшего времени отражаются в нарушениях передачи пола персонажей. Ср.: *Аз живеех в отделна стая, в която преди това бе живяла стринка* (П.Вежинов.Барьерата). – *Я жила в отдельной комнате, где до этого жил дядя*. Вместо: *Я жила в отдельной комнате, где до этого жила тётя*). *Уверен съм, че щом излязох из стаята, бай Ганьо е отворил похлунаците. Я уверен, что как только я вышел из комнаты, баба Гань откряла люки!* (А.Константинов. Бай Ганьо). Такие денотативные ошибки перевода обусловлены влиянием английского языка, в котором глагол и имена не имеют категории рода.

В других случаях они могут быть обусловлены влиянием болгарского языка, оформление рода в котором имеет свою специфику: здесь производные имена с оценочными суффиксами относятся к среднему роду. Ср.: *Момиченцето сведе глава. Отидох при него и го поздравих. Усмихна се въпреки всичко, а очичките му бяха все така тъжни. – Девочка опу-*

стила голову. Я подошел к нему и поздоровался с ним. Он улыбнулся, и его глаза были так грустны (Страничка на Силвия, 23.2.2020). В русском переводе с существительным женского рода *девочка* соотнесены формы местоимений мужского рода: *к нему, с ним, он, его*. Это несоответствие не может быть объяснено влиянием английского языка, т.к. личные местоимения 3 л. и притяжательные местоимения в английском дифференцированы по роду (*he – his, she – her...*). В болгарском существительное *момиченце* относится к среднему роду, как и все слова с оценочными суффиксами. Поскольку существительные определяют род кореферентных местоимений, с *момиченце* согласованы местоимения среднего рода *при него, го, му*, которые в болгарском языке омонимичны местоимениям мужского рода. Эта омонимия отражается в русском переводе использованием местоимений мужского рода *к нему, с ним, он, его*.

При передаче родовой соотнесенности имен и местоимений ошибки в согласовании по роду наблюдаются в цифровых переводах со всех славянских языков. Ср., например, перевод с польского: *Po co zmieniac na starosc poukladane zycie? Chyba, ze nie jest poukladane. – Зачем менять устроенную жизнь в старости? Если только он не сложен* (Andrzej de Lazari, 15.11.2015). Примечательно, что такие ошибки допускает даже DeepL, позиционируемая как самая точная в мире программа электронного перевода.

I.1.2 Ошибки распознавания и передачи числа местоимений 2 лица. Коммуникативный эффект их заключается в нарушениях передачи количества действующих лиц. В таких нарушениях также сказывается влияние англоязычной цифровой программы. Отсутствие различий между местоимениями *You sing* и *You pl* в английском языке приводит к одинаково частотным ошибкам в определении числа субъекта и объекта. Фразы, выражающие обращение ко всем друзьям, переводятся как обращения, относящиеся к одному человеку (может быть и обратное): *Вие правите всеки мой ден прекрасен, благодаря ви че ви има – Ты делаешь мой каждый день чудесным, спасибо за то, что ты здесь* (Sylvie Warten, 31.03.2021). Такого рода ошибки отмечаются и в переводах с неславянских языков, например, с итальянского: *Comunico con gloria che da gennaio 2022 ho deciso di riprendere anche l'insegnamento della lingua e della cultura russa. ..Vi aspetto! – С радостью сообщая, что с января 2022 года я решил возобновить преподавание русского языка и культуры... Я жду тебя!* (Marzia G. Dati, 1.01.2021). При переводе нарушена не только денотативная целостность ситуации, но и прагматика высказывания.

I.1.3 Отметим также регулярные ошибки в передаче славянских глагольных категорий вида, залога, времени, наклонений: *Виждате ми се*

нищо разстроен?–Ты **видишь**, что меня что-то расстраивает? (П.Вежинов.Барьерата); А бе, Стойчо, я **попитай** дали знае влашки. – И, Стойчо, **спрашивае**т ее, знае ли она валлийский язык; Чакай, **рекох**, да надникна. **Работете** си, нищо, аз пак ще затворя. – Подожди, **говорю**, дай възглянуть. **Работаю**, ничего, сейчас опять закрою (А.Константинов. Бай Ганьо).

1.1.4 Развитие анализма вызвало грамматикализацию предлогов в болгарском языке. В цифровом переводе часты ошибки, вызванные смешением функций предлогов: *Днес някъде прочетох, че е намерен ръкопис за масоните.– Сегодня где-то прочитал, что масонам была найдена рукопись; Река, фотографирана от Орлов мост през 1908 г. – Река, сфотографируванна Орлиным мостом в 1908 году* (Страница Стара София, 4.02.2021).В следующем примере ошибки передачи значений предлогов *на* и *от* вызвали изменение смысла до противоположного: *На 6 март 1837 г. руският император Николай I възстановява на Зографския манастир имотите му в Бесарабия и дава компенсация от руското правителство в размер на 400 000 рубли. – 6 марта 1837 года российский император Николай I възстановява свои имущества в Бесарабии в Зографском монастыре и компенсирует российскому правительству в 400000 рублей* (Страница Стара София, 4.03.2020). Вместо: ...император Николай I възстановява имущество Зографскому монастырю.

1.2 Семантические погрешности при переводе лексики имеют менее регулярный характер, они являются результатом неполноты описания лексики в базе данных и могут быть как денотативными, так и сигнификативными.

1.2.1 Денотативные лексические ошибки состоят в использовании в переводе слова в значении, не соответствующем контексту. Ср. перевод многозначной болгарской лексемы *закача*, одно из значений которой «повесить», а в тексте она имеет значение «приставать, настойчиво ухаживать»: *Затуй ли, че неуспял още прага на къщата им да прескочии, ти ще **закачиш** първо слугинята, която те посрещне в коридора! – Да потому, что, не успеv переступить порог их дома, вы первым делом **повесите** служанку, встретившуюся вам в коридоре!* (А. Константинов. Бай Ганьо).

В переводе с чешского лексема *řeřeto* («решето») переведена словом *облепиха*: *Noviny píšou, milostrane, že pan arcivévoda byl jako řeřeto. – В газетах пишут, милорд, что эрцгерцог был как **облепиха*** (J. Hašek: *Osudy dobrého vojáka Švejka*). Еще пример: *Na Kopřišti je deset černých **práporů*** – На

Конопшиите десять черных **батальонов**. Вместо: В Конопшиите вывешено десять черных флагов (J. Našek: Osudy dobrého vojáka Švejka).

Показателен и следующий пример перевода польского текста, в котором слово *zaangażowanie* – «деятельное участие» (производное от *zaangażować* – «вовлечь, втянуть») неправомерно переведено словом *помолвка*, что создает неуместный комический эффект: *Naukowo rok kończymy wydanym dzięki zaangażowaniu archimandryty Piotra i dyr. Vitali Michalczyk oprastym tomiskiem po konferencyjnym «Wielkie Powroty»*. – Завершаем учебный год, выданный благодаря **помолвке** архимандрита Петра и Дыр. Виталий Михальчук знаменитым постконференционным томом «Великие возвращения» (Monastery of St. Onufry, 31.12.2021). Вместо: В научном плане мы завершаем год публикацией значительного тома материалов конференции «Великое возвращение», благодаря усилиям архимандрита Петра и директора Виталия Михальчука.

Частотны ошибки, отражающие поиск программой однокорневых слов и использование частично совпадающего по буквенному составу, но неродственного слова. При описании поездки Ганю в Чехию А. Константинов использует чешскую лексему *nazdar*, что значит «привет!», которой чехи приветствовали болгар. В переводе она передается словом *наждак*, с которым не имеет соотносительных связей, кроме некоторого фонетического сходства: *Само едно голо – «наздар» – Только один голый – «наждак»...* Вместо: *Только одно сплошное «привет»!*

Займствованное через турецкий персидское слово *гюл* [4, с.170] имеет в болгарском значение «роза»; *гюлово масло* – «розовое масло». В переводе *гюлово масло* передано словом *гуляш*: *С туй гюлово масло обикалям света – Я с этим гуляшом весь мир объездил*. Займствованным из турецкого языка словом *мускал* [4, с. 475] называется маленький флакон с розовым маслом. В переводе вместо *мускал* использовано слово *мушкет*: *И бай Ганьо...почна да тълче мускалите зад пояса си. – И Бай Ганьо стал запихивать мушкеты за пояс*.

Погрешности перевода могут возникать вследствие ошибочного установления словообразовательных связей слова. В следующем примере *коняченце* – деминутив от слова коняк («коньяк») – соотнесено с производящей основой *кон* («конь») и переведено словом *лошадка*: *Е дайте тогаз барем една цигарка и едно коняченце. – Ну, дайте мне сигарету и маленькую лошадку* (А. Константинов. Бай Ганьо).

Из-за сходства последовательности букв значение может ошибочно восприниматься через английский язык: *Киснем тук из кафенетата... – Мы целуемся здесь в кафе...* (А. Константинов. Бай Ганьо). Английское *to kiss* – «целовать».

1.2.2 Сигнификативные лексические ошибки, присутствующие и в цифровом переводе, объясняются тем, что в разных языках соотношение денотативных значений лексики и сигнификативных коннотаций часто не совпадает. Сигнификативные погрешности отмечаются при передаче культурологически маркированной лексики. Ср. перевод пушкинского *Там чудеса: там леший бродит... – Там гоблин се скита...* Леший в мифологии восточных славян – дух-хозяин леса. В переводе уместна была бы какая-то из болгарских лексем – *вещер, таласъм*, – а не английская, которая не соответствует ни по сигнификативным коннотациям (гоблины в западноевропейской мифологии – существа, живущие в подземных пещерах), ни по национальной окраске.

При переводе габровского юмора неудачна замена слова *ракия* лексемами *виски* и *бренди*, а слова *кръчма* – лексемой *паб*. В этих примерах различным является семантический фон языковых знаков: они обозначают реалии соотносительные, но с национально-культурным колоритом. Ракия – балканский крепкий напиток, получаемый дистилляцией фруктов; виски – шотландский крепкий напиток, получаемый из зерна и выдерживаемый в дубовых бочках. Кръчма – питейное заведение в Болгарии. Й. Йовков, описывая сельскую корчму начала XX в. в рассказе «Другоселец», упоминает: «*В кръмата свири гайда или кавал, играят се хора и ръченици...*». Паб – питейное заведение у западноевропейских народов, здесь подают пиво в спокойной обстановке, темпераментные танцы не приняты. Т.о., сигнификативные ошибки, не изменяя денотативной ситуации, создают потери понятийного характера, размывают национальный колорит.

II. Синтаксические искажения при переводе

Синтаксические погрешности нарушают синтаксическое тождество высказывания, искажают синтаксическую структуру текста и часто разрушают денотативную ситуацию. Денотативными являются субъектно-объектные искажения вследствие ошибочного восприятия порядка слов в славянском предложении. В связи с жестким порядком слов в английском языке цифровая программа ошибочно передает объект действия в функции действующего субъекта и грамматического подлежащего: ***Вниманието привлича впечатлящата скулптурна група – Внимание обръща впечатляющую скульптурную группу*** (Страница Стара София, 4.02.2021). Вместо: *Внимание привлекает впечатляющая скульптурная группа*. Искажены субъектно-объектные отношения и при переводе фразы: *Един имахте добър бащица, него закла кръвна убийца*. В оригинале отец – жертва убийства, объект, маркированный формой винительного па-

дежа личного местоимения 3 лица *него*. В переводе на русский язык: *У вас был хороший отец. Он убил убийцу крови* (Страница на П. Петков, 31.03.2021). Аналогичные ошибки отмечаются при переводе и с других славянских языков, ср. перевод с чешского: *Noviny píšou, milostpane, že pan arcivévoda byl jako řeřeto. Vystřelil do něho všechny patrony. – В газетах пишут, милорд, что эрцгерцог был как облепиха. Он перестрелял всех покровителей* (J. Hašek: *Osudy dobrého vojáka Švejka*). На уровень синтаксиса проецируются и морфологические ошибки, касающиеся числа и рода. Связь морфологических значений числа и рода с синтаксисом состоит в согласовании соответствующих форм.

III. Прагматические искажения при цифровом переводе

Прагматические ошибки перевода нарушают прагматическое тождество текста, изменяют его коммуникативную направленность, этическую и эмоциональную оценку. Такие ошибки обычно связаны с невосприятием значений славянских частиц: *Vono prej jich bylo víc, milostpane.* – Их было больше, мой господин (не передано эвиденциальное значение чешской частицы *prej*). *Нали уж човечествово трябваше единно и солидарно да се изправи срещу пандемията? – Человечеству якобы пришлось объединиться и солидарно столкнуться с пандемией?* Здесь вопросительное предложение с *нали*, предполагающее подтверждение, в переводе из-за неуместно употребленной частицы *якобы* приобретает значение сомнения. Ошибки перевода частиц могут создавать противоположный смысл: *Бог нек се над вас клетите смили! – Бог не помилует вас!*

Выводы. Совершенствование качества цифрового перевода остается одной из важнейших задач теории межкультурной коммуникации. В исследовании установлена типология ошибок цифрового перевода – семантических (на уровне грамматики и лексики), синтаксических и прагматических. Выявлены типы денотативных ошибок при цифровой передаче характерных грамматических категорий славянских языков: рода и падежа существительных и прилагательных, числа местоимений 2 лица, вида, времени и наклонений глагола, значений грамматикализованных предлогов, порядка слов. Помимо изменения смысла, ошибки цифрового перевода вызывают и социокультурные потери: искажают факты, наполняют переводы славянской литературы чужеродными реалиями (*гоблины, пабы, баксы, бренди* и т.д.), учебные тексты – ошибочной терминологией (*наследники* вместо *наследие*, *наклонности* вместо *наклонения*, *вербалическая азбука* вместо *глаголическая азбука*). Очевидна актуальность разработки национальных программ прямого цифрового перевода, при создании которых важ-

но учитывать специфику языковых систем языков во всех семиотических измерениях.

Библиографический список

1. Карпенко, Л. Б. Цифровая коммуникация и проблемы перевода (на материале болгарских и русских сетевых текстов) // *Foreign language teaching*. 2021. Вып. 3. С. 231–240.
2. Переходько, И.В., Мячин, Д.А. Оценка качества компьютерного перевода // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2017. Вып.2.С. 92–96.
3. Убин, И.И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность // *Перевод в современном мире*. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2001. С. 60–69.
4. Милев, Ал., Братков, Й., Николов, Б. Речник на чуждите думи в българския език. София: Наука и изкуство, 1970. 880 с.
5. Amram, A., Ben David, A., Tsarfaty, R. Representations and architectures in neural sentiment analysis for morphologically rich languages: Case study from modern Hebrew // *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics (Santa Fe, New Mexico, 20-26 August 2018)*. Pp. 2242–2252 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://aclanthology.org/C18-1190>. – Дата доступа 29.12.2022.
6. Baden, Ch., Pipal, Ch., Schoovelde, M. Three Gaps in Computational Text Analysis. *Methods for Social Sciences: A Research Agenda // Communication Methods and Measures*. 2021. Т. 16, № 5. Pp.1–18. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.researchgate.net>. – Дата доступа 29.12.2022).
7. Brady, H. E. The challenge of big data and data science // *Annual Review of Political Science*. 2019. Т.22, №1. Pp.297–323. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-090216-023229>. Дата доступа 29.12.2022.
8. Fodor, JA, Bever, TG, Garret, MF (1974) *The Psychology of Language*. New York: McGraw-Hill. 537 p.
9. Nagao, M. A. A New Method of N-gram Statistics for Large Number of n and Automatic Extraction of Words and Phrases from Large Text Data of Japanese // *Proceedings of the 15th International Conference on Computational Linguistics. Coling*, 1994.Т.1. Pp 611-615 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://aclanthology.org/C94-1101>. Дата доступа 20.01.2023.